

Академик Владимир Евгеньевич
СОКОЛОВ

*жизнь и научная деятельность
в очерках и воспоминаниях*

Коллектив авторов

**Академик Владимир
Евгеньевич Соколов. Жизнь
и научная деятельность в
очерках и воспоминаниях**

«Товарищество научных изданий КМК»

2017

УДК 59(092) Соколов В.Е.
ББК 28.6

Коллектив авторов

Академик Владимир Евгеньевич Соколов. Жизнь и научная деятельность в очерках и воспоминаниях / Коллектив авторов — «Товарищество научных изданий КМК», 2017

ISBN 978-5-6040493-4-1

Второе исправленное и дополненное издание книги посвящено лауреату Государственных премий, члену Президиума Российской академии наук, академику-секретарю Отделения общей биологии РАН академику В. Е. Соколову (1928–1998). Крупный ученый-биолог В. Е. Соколов внес существенный вклад в изучение систематики и филогенеза животных, эволюционной и функциональной морфологии и экологии млекопитающих. Фактически им созданы новые научные школы по изучению кожных покровов млекопитающих, хемокоммуникации животных. В. Е. Соколов разработал научные основы и определил направления работ по сохранению биоразнообразия в нашей стране. Перу В. Е. Соколова принадлежат около 1000 научных работ, включая 30 монографий. Велика роль академика В. Е. Соколова и как организатора науки. Более 30 лет он руководил крупнейшим научно-исследовательским учреждением страны – Институтом проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН; 13 лет возглавлял Отделение общей биологии РАН; 16 лет был заведующим кафедрой зоологии позвоночных и общей экологии Биологического факультета МГУ. В. Е. Соколов организовал целый ряд крупных комплексных биологических экспедиций в нашей стране, а также в Монголии, Вьетнаме, Перу, Боливии и Эфиопии. Собранные в книге материалы, состоящие из выступлений академика В. Е. Соколова в печати и воспоминаний его родных, друзей и соратников, раскрывают образ неутомимого труженика науки, естествоиспытателя и путешественника, умелого организатора и хорошего доброго человека. Для читателей, интересующихся историей биологии, биологов, зоологов, экологов и специалистов в области охраны природы.

УДК 59(092) Соколов В.Е.

ББК 28.6

© Коллектив авторов, 2017

© Товарищество научных изданий
КМК, 2017

ISBN 978-5-6040493-4-1

Содержание

К читателям. Предисловие к 1-му изданию	7
Предисловие ко 2-му изданию	9
Д. С. Павлов. Жизнь и научная деятельность академика В. Е. Соколова	10
С. М. Соколова. О самом близком человеке	18
Н. В. Лебедева. Памяти моего папы	21
Л. И. Зотин. Студенческие годы академика В. Е. Соколова	24
О. М. Нефедов. Воспоминания о В. Е. Соколове	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Академик Владимир Евгеньевич Соколов. Жизнь и научная деятельность в очерках и воспоминаниях

© ИПЭЭ РАН, 2017.

© Тов-во науч. изданий КМК, 2017

* * *

К читателям. Предисловие к 1-му изданию

Идея настоящего издания родилась в скорбные дни прощания с Владимиром Евгеньевичем Соколовым, академиком, директором Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова, профессором, известным общественным деятелем нашей страны. Было решено создать книгу воспоминаний, живых очерков о большом человеке, неутомимом исследователе в области зоологии и экологии, выдающемся организаторе науки, всемирно известном деятеле природоохранного движения. Еще свежа боль утраты, еще памятен живой образ Владимира Евгеньевича. Многие были обязаны ему за поддержку на первых или определяющих этапах своей научной карьеры.

Принять участие в создании книги воспоминаний пожелали десятки сотрудников В. Е. Соколова, многие его ученики. Откликнулся ряд зарубежных коллег. Свидетельства современников важны не только для истории науки. Известный отечественный зоолог и охотовед Б. М. Житков отмечал в своих трудах по истории науки: «Человек, можно сказать, умирает дважды: первый раз – когда заканчивается его жизнь; второй – когда умирает последний человек, в мозгу которого запечатлелся и жил живой образ его современника со всеми его манерами и особенностями».

Но ученый не умирает, пока продолжаются исследования в намеченных им направлениях, трудятся его ученики, работают научные организации, им созданные.

Можно выделить пять аспектов научной и общественной деятельности, где вклад В. Е. Соколова велик и бесспорен.

Во-первых, Владимир Евгеньевич был крупным организатором науки, собирателем научно-исследовательских коллективов (от лаборатории до Отделения общей биологии РАН). Он прекрасно владел самой «механикой управления» научным процессом.

Во-вторых, он был ведущим отечественным зоологом-териологом последней четверти XX в. Его териологические работы в контексте развития современной териологии нашли отражение в ряде очерков-воспоминаний.

В-третьих, академик В. Е. Соколов стал одним из ведущих экологов. По разнообразию разрабатываемых им экологических проблем он имел мало соперников в мировой науке. Особое место занимали радиоэкологические исследования Владимира Евгеньевича и его ближайших сотрудников. В экологическом ключе изучал академик В. Е. Соколов структуру и функции кожных покровов животных, особенности поведения и механизмы коммуникаций отдельных видов млекопитающих. Ему удалось установить некоторые закономерности обмена информацией, закодированной в химических сигналах, между животными.

Конечно, исключительно велик вклад В. Е. Соколова в дело охраны природы.

И, наконец, Владимир Евгеньевич останется в нашей памяти как талантливый педагог, воспитатель научных кадров. Будучи профессором, заведующим кафедрой МГУ, директором Института, академиком-секретарем Отделения общей биологии РАН, он на любом посту никогда не забывал о преемственности, научной смене, всегда поддерживал талантливую молодежь.

Наверное, в представленных очерках-воспоминаниях есть субъективные оценки, дискуссионные положения. Мы провели лишь минимальную текстовую правку.

В заключение следует отметить, что подготовка рукописи стала частью работы специально созданной Комиссии по научному наследию академика В. Е. Соколова при ИПЭЭ РАН. Недавно был также организован Региональный благотворительный фонд имени В. Е. Соколова. При поддержке фонда стали проходить регулярные «Соколовские чтения». Фонд учредил специальные «Соколовские премии» ученым РАН за особо ценный вклад в различные области естествознания. Была организована финансовая поддержка рядом Фондов нескольких изда-

тельских проектов, планирующих публикацию рукописного научного наследия В. Е. Соколова. Памяти академика Соколова был посвящен не один научный форум последнего времени.

Составители

Предисловие ко 2-му изданию

Двадцать лет нет с нами академика Владимира Евгеньевича Соколова, директора Института проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова Российской академии наук, профессора, ученого и общественного деятеля. В этом году мы отмечаем 90-летие со дня его рождения. Он рано ушел из жизни, но продолжает жить в памяти соратников, учеников, родственников, в своих научных трудах. 20 лет существует благотворительный фонд имени В. Е. Соколова, при поддержке которого проходят регулярные «Соколовские чтения». Учрежденная фондом «Соколовская премия», ежегодно присуждается ученым за особо ценный вклад в различные области естествознания. К настоящему времени этой премией удостоено уже несколько десятков состоявшихся ученых и молодых исследователей.

За прошедшие годы многое изменилось как в нашей стране, так и за рубежом. Коснулись изменения и научной жизни. Но, несмотря на все проблемы и трудности, Институт, который был любимым детищем Владимира Евгеньевича, продолжает жить. Развиваются заложенные В. Е. Соколовым направления исследований, работают созданные им международные экспедиции и биостанции. И это главный памятник академику В. Е. Соколову.

За 20 лет многие из тех, кто работал под руководством и вместе с Владимиром Евгеньевичем, уже тоже ушли из жизни. В Институт пришли молодые сотрудники, для которых академик Соколов – легенда, портрет на стене и автор многочисленных статей и книг. Поэтому назрела очевидная необходимость переиздать воспоминания о нем тех, кто знал его лично.

В новое издание вошли как очерки, написанные вскоре после ухода из жизни Владимира Евгеньевича Соколова, так и новые воспоминания сотрудников Института и других научных учреждений, а также его дочери Натальи Евгеньевны. Был найден целый ряд новых фотографий, которыми мы хотели бы поделиться с читателями этой книги, чтобы еще раз вспомнить этого замечательного человека, учителя и организатора науки.

Д. С. Павлов. Жизнь и научная деятельность академика В. Е. Соколова

В истории нашей науки жизнь и деятельность Владимира Евгеньевича Соколова, выдающегося ученого-биолога, зоолога-эколога, крупного организатора научного процесса, всемирно известного деятеля в области охраны природы – оставили яркий, запоминающийся след.

Он не только свыше 30 лет возглавлял Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова, 16 лет заведовал кафедрой зоологии позвоночных и общей экологии Биофака МГУ. Владимир Евгеньевич 13 лет (более чем любой из его предшественников) руководил Отделением общей биологии Российской академии наук.

Всех знавших Владимира Евгеньевича поражала широта его научных интересов. Экологическая морфология (особенно кожных покровов) и систематика млекопитающих, хемотреника и этология, электронная микроскопия и гистология, гидродинамика плавания и экологическая физиология, бионика и телеметрия, радиоэкология и экотоксикология, аэрокосмический и наземный экологический мониторинг, экологическое право и заповедное дело, проблемы сохранения биоразнообразия и редких видов, история зоологии и экологическое образование – вот лишь примерный перечень направлений исследований В. Е. Соколова.

В ряде перечисленных областей Владимир Евгеньевич справедливо считается основателем или сооснователем самого направления. Научное наследие В. Е. Соколова огромно: среди примерно 1000 опубликованных работ (индивидуальных или с соавторами) более 30 монографий. Ряд книг и статей, оставшихся после смерти ученого в рукописях, сейчас либо публикуется, либо готовится к публикации. Ведется большая работа по подготовке к изданию полной библиографии Владимира Евгеньевича, книги избранных его трудов.

Владимир Евгеньевич Соколов родился 1 февраля 1928 г. в Москве в семье профессора зоологии Московского Пушно-мехового института Евгения Алексеевича Соколова. Мать Владимира Евгеньевича, Мария Ивановна (урожденная Лазарева), воспитывала сына и занималась домашним хозяйством. Детство будущего зоолога прошло в подмосковной Балашихе. Интеллектуальная и творческая обстановка в доме с детских лет служила той благоприятной средой, в которой формировались высокая культура, обширный кругозор, любознательность и пытливый ум Владимира Евгеньевича.

Как и для многих отечественных выдающихся зоологов и путешественников (Н. А. Северцова, М. Н. Богданова, Н. М. Пржевальского и др.), увлечение охотой со школьных лет в значительной степени определило выбор профессионального пути: зоолога-полевика.

С благодарностью вспоминал Владимир Евгеньевич своих первых учителей и наставников: Петра Александровича Мантейфеля, Сергея Алексеевича Северцова, Бориса Александровича Кузнецова и особенно Сергея Ивановича Огнева. После окончания кафедры зоологии позвоночных Биолого-почвенного факультета МГУ (1950 г.) В. Е. Соколов поступает в аспирантуру знакомого ему с детства Пушно-мехового института. В 1952 г. выходит первая научная публикация Владимира Евгеньевича – «Млекопитающие острова Шпанберга (Курильские острова)» в «Бюллетене Московского общества испытателей природы». В 1953 г. В. Е. Соколов успешно защищает диссертацию «Структура кожного покрова морских млекопитающих».

Избранной темой Владимир Евгеньевич продолжал интересоваться на протяжении всей жизни, расширяя круг объектов и методов исследования.

С 1953 по 1956 г. В. Е. Соколов занимается преподавательской и научной работой в Московском технологическом институте рыбной промышленности и хозяйства, а в 1956 г. возвращается в университет в качестве ассистента кафедры зоологии позвоночных.

Даже краткий послужной список Владимира Евгеньевича, ставшего признанным лидером отечественной териологии, весьма впечатляющ: доцент (1960), доктор биологических наук (1964), профессор (1966), директор Института эволюционной морфологии и экологии животных им. А. Н. Северцова (1967), член-корреспондент Академии наук СССР (1970), академик (1974), зав. кафедрой зоологии позвоночных (1982, вскоре преобразованной им в кафедру зоологии позвоночных и общей экологии), и, наконец, в 1985 г. Владимир Евгеньевич избирается академиком-секретарем Отделения общей биологии и становится членом Президиума Академии наук. В том же году В. Е. Соколова включают в состав действительных членов (академиков) Сельхозакадемии (ВАСХНИЛ).

Хотя в последние годы основным местом работы Владимира Евгеньевича являлся Президиум РАН (академик-секретарь ООБ), несомненно, его главным детищем был институт.

Владимир Евгеньевич возглавил институт в непростое время. После выделения в 1967 г. Института биологии развития костяк Института эволюционной морфологии и экологии животных составили лаборатории, ведущие исследования по сложившимся ранее традиционным темам: эволюционная, экологическая и экспериментальная морфология; эволюционная эмбриология и гистология; популяционная экология и биоценология; особенности поведения животных и проблемы доместикации. Не забывая о развитии и углублении традиционных направлений, Владимир Евгеньевич большое внимание уделял экологическим и этологическим исследованиям. Уже в 70-х годах в Институте создаются лаборатории биоакустики, экологии и управления поведением птиц, эволюции сенсорных систем позвоночных. В состав Института вливаются лаборатория биогеоценологии и Центр кольцевания и мечения птиц. В дополнение к одной из старейших биостанций России «Глубокое озеро» при Институте в этот период создаются новые: Утришская морская станция, экспериментальная база «Черноголовка», Костромская таежная станция и др.

В первой половине 80-х годов экологическое направление еще более усиливается. Возникают лаборатории общей экологии, структуры и динамики сообществ, биоиндикации, биоповреждений, экологических основ охраны экосистем и управления популяциями животных.

Необыкновенно быстро, главным образом по инициативе Владимира Евгеньевича, расширяется география исследований, и не только экспедиционных, но и стационарных. Вслед за переводом Российско-Монгольской биологической экспедиции в наш институт (1975 г.) при активном участии Владимира Евгеньевича возникает Тропическое отделение института (1988 г.), направляющее и обеспечивающее деятельность Тропического центра во Вьетнаме. Проводятся экспедиционные и стационарные работы в Перу, Боливии, Мексике, Индии, Эфиопии и других странах.

В связи с глобальным характером ряда отрицательных антропогенных воздействий на природу перед институтом ставятся задачи оценки подобных явлений. И В. Е. Соколов с середины 80-х годов организывает для этих целей новые специальные подразделения института: лаборатории экологического мониторинга регионов АЭС, аналитической экотоксикологии, научных групп аэрокосмических методов исследования, экоинформационных систем, теоретических и прикладных проблем биометода.

Поступательное усиление экологических исследований в институте, расширение тем выполняемых работ сделали необходимым адекватно отразить эти перемены и в его названии (с 1994 г. – Институт проблем экологии и эволюции им. А. Н. Северцова РАН).

Если в начале директорства В. Е. Соколова (1972 г.) институтские научные кадры были объединены в 14 лабораторий, 7 групп, 2 биостанции, то, пережив перестройку, потерю некоторой части сотрудников, институт в 1996 г., за два года до смерти Владимира Евгеньевича, включал 24 лаборатории, 10 групп, Тропическое отделение и 7 биостанций. Если в 1972 г. в институте трудились 4 члена-корреспондента, 28 докторов и 77 кандидатов наук, то в 1998 г., несмотря на все социальные потрясения, коллектив исследователей насчитывал трех ака-

миков, трех членов-корреспондентов, 78 докторов и 215 кандидатов наук. Наверное, только близкие Владимиру Евгеньевичу люди могли догадываться, сколько сил, воли, здоровья стоило ему поддержание института в дееспособном, постоянно развивающемся состоянии. Сколько дипломатического такта, а подчас и титанических усилий требовало обеспечение работы Отделения, кафедры и университета, множества специальных комиссий, комитетов, советов, редакций научной периодики. Владимир Евгеньевич был воспитателем и охранителем научных кадров, создателем новых научных структур, открывателем новых путей в биологии и экологии.

Собственные научные исследования Владимира Евгеньевича Соколова, проводившиеся им в Академии наук и в университете, были чрезвычайно широкими по тематике.

Всестороннее изучение кожных покровов животных (особенно млекопитающих) стало той областью, где Владимир Евгеньевич не только завоевал общепризнанный международный авторитет, но и создал настоящую научную школу.

Следуя благородным традициям отечественных морфологов и сравнительных анатомов, В. Е. Соколов рассматривал развитие кожных покровов в эволюционном и экологическом аспектах. Весьма удачным следует признать сам выбор кожи как объекта исследования. Этот пограничный слой, оберегающий внутреннюю среду организма и сам организм от агрессивного воздействия внешнего мира, вместе с тем демонстрирует удивительную адаптивность, обеспечивающую теплокровным животным благополучное существование и при арктическом холоде, и при тропической жаре. Исследование кожи и ее дериватов (волос, желез и т. д.) привело к открытию специфических адаптаций, отражающих приспособление млекопитающих к водной, воздушной, наземной и подземной средам. Кожа как биологическая система оказалась на редкость мульти-функциональной. Достаточно упомянуть способность к росту, регенерации, морфогенезу, термо- и гидроизоляции и т. д. В. Е. Соколовым и учениками его школы были описаны и изучены также неспецифические и специфические кожные железы, их секреторная активность, состав и функции выделяемых продуктов.

Несомненны успехи в возглавляемом В. Е. Соколовым научном направлении по изучению обонятельных коммуникаций животных, которые имеют как чисто научное, так и прикладное значение. Были синтезированы видовые феромоны для нескольких групп животных (грызунов, копытных).

Число публикаций «школы Соколова», описывающих структуру и разнообразные функции кожных покровов, превышает сотню. Здесь не только тезисы, статьи, обзоры, руководства, но и несколько монографий. Книга Владимира Евгеньевича «Кожный покров млекопитающих» (1973) удостоена премии А. Н. Северцова (1975) и переведена на английский язык (1982). Сдана в печать большая рукопись, обобщающая последние результаты в этой области. Работу над текстом будущей книги Владимир Евгеньевич закончил незадолго до смерти.

Изучение В. Е. Соколовым поведения животных, его работы в области этологии были связаны в свою очередь с проблемами экологии и охраны животных, хекоменникацией и систематикой. Владимир Евгеньевич неоднократно отмечал, что многие формы поведения животных отчетливо видоспецифичны (особенно в сфере размножения, пищедобывания, коммуникации). Знание этих форм (их наблюдение, регистрация, моделирование) помогает понимать механизмы поддержания устойчивости как отдельной особи, так и всего вида или даже многовидового сообщества. Для целого ряда видов (грызунов, хищных, копытных и т. д.) были составлены специальные схемы поведенческого репертуара – этограммы. При этом среди объектов было много редких, скрытно живущих форм, прямое наблюдение за которыми в природе затруднено. Широко использовались разнообразные типы индивидуального мечения, радиопрослеживание, наблюдения в вольере, применялась фото-, кино- и видеотехника, привлекались художники-анималисты. Многие формы поведения (брачного, родительского, оборонительного, агрессивного) изучались в экспериментах.

Результаты этих исследований входили в раздел «Поведение» видовых монографий, оформлялись в виде практических рекомендаций при охране редких видов (например, лошади Пржевальского, кабарги и т. п.), борьбе с синантропными грызунами.

Эволюционные исследования В. Е. Соколова (кроме упомянутых работ по коже) были связаны с изучением конкретных результатов исторического развития животного мира: от формирования специализированных адаптаций до устойчивого существования биологического разнообразия. Для своей монографии «Редкие и исчезающие животные. Млекопитающие» (1986) он сделал интересный обзор причин вымирания млекопитающих. Сюда же примыкает целый цикл работ по ископаемым, вымирающим и редким видам. Владимир Евгеньевич не прошел мимо вопросов, связанных с искусственным отбором, одомашниванием животных. Здесь излюбленным объектом исследования были собаки, разнообразие и происхождение их пород, дикие предки. На эту тему подготовлена отдельная книга.

В области систематики, казалось бы, неплохо изученных млекопитающих Владимиру Евгеньевичу удалось сказать свое веское слово, получить ряд уникальных результатов. По материалам многочисленных экспедиционных исследований в различных районах мира благодаря применению традиционных и современных методов диагностики удалось описать ряд новых для науки видов млекопитающих преимущественно из отряда грызунов, уточнить систематическое положение отдельных видов и подвидов. По инициативе Владимира Евгеньевича стала выходить серия видовых монографий, в том числе по зубру, волку, черноморской афалине, морскому коту и т. д., где ряд разделов написан В. Е. Соколовым. Продолжен выпуск основанной профессором В. Г. Гептнером серии «Млекопитающие Советского Союза», которая теперь получила название «Млекопитающие России и сопредельных регионов». Начала выходить серия книг о млекопитающих Монголии, опубликованы сборники по фауне Вьетнама, Эфиопии, Боливии и Перу. Отличаясь широтой кругозора, стремлением насколько возможно полнее охватить изучаемый объект, Владимир Евгеньевич издает трехтомное руководство «Систематика млекопитающих» (1973–1979), где впервые на русском языке так полно описана мировая териофауна с краткой характеристикой всех известных родов и списком всех видов. В 1990 г. под авторством Владимира Евгеньевича выходит том «Млекопитающие» в иллюстрированной фотографией серии энциклопедических справочников «Фауна мира». При этом В. Е. Соколов побуждал своих коллег к участию в подобных сериях. Так, кроме вышедшего пятиязычного словаря «Млекопитающие» (1984), подготовленного Владимиром Евгеньевичем, вышли аналогичные словари по рыбам, птицам и другим группам животных, написанные его соратниками.

Работы по систематике и фаунистике побудили Владимира Евгеньевича заняться историей первоописаний, а затем и историей зоологии. Следуя примеру С. И. Огнева, В. И. Вернадского и других, В. Е. Соколов видел в истории естествознания, ее осмыслении и обобщении залог преемственности и поступательного развития науки, подчеркивая важные социальные, нравственные и воспитательные моменты такой работы. Им заложена серия монографий «История отечественной териологии».

В 1993 г. вышел первый том, а незадолго до кончины Владимир Евгеньевич закончил правку рукописи второго тома. Высоко ценя опыт предшественников, Владимир Евгеньевич принимал участие в организации и проведении заседаний и конференций, посвященных памяти И. И. Шмальгаузена, В. Н. Сукачева, С. И. Огнева, А. Н. Формозова и других ученых.

Особенно велик вклад В. Е. Соколова в разработку проблем экологии и охраны природы. Владимир Евгеньевич со своими учениками и соратниками изучал экологию отдельных видов, сообществ животных, целых экосистем. От изучения биологической продуктивности и структуры популяционных, видовых и надвидовых группировок он переходит к разработке концепции биоразнообразия и созданию программы сохранения биоразнообразия. На основании тщательных экологических исследований были выработаны рекомендации по охране отдельных

видов редких, находящихся под угрозой исчезновения видов, подготовлен «Закон об охране животного мира», создана и воплощена в жизнь на международном уровне концепции биосферных заповедников, налажена система экологического мониторинга.

Не остались без внимания академика Соколова и новые факторы антропогенного происхождения, угрожающие благополучию природы и человечества – радиоактивные загрязнения на Южном Урале и с момента аварии 1986 г. – на радиоактивном следе Чернобыльской АЭС.

Трудно даже перечислить комиссии, совещания, международные и отечественные форумы по вопросам охраны природы, где Владимир Евгеньевич выступал как авторитетный эксперт, организатор и горячий поборник сохранения заповедной природы и редких видов животных, рационального природопользования. Уникальная иллюстрированная серия «Заповедники СССР», в издании которой В. Е. Соколов принимал участие как автор и как редактор, несколько монографий и сборников, множество статей, выступлений, интервью – таков массив опубликованных Владимиром Евгеньевичем материалов по вопросам охраны природы. Особо следует отметить активное участие В. Е. Соколова в изданиях «Красной книги редких и охраняемых животных нашей страны» (в том числе в последней редакции).

Важной работой Института считал Владимир Евгеньевич участие в экологическом образовании, просвещении, личным примером доказывая эффективность такой деятельности, будь это выступление на телевидении, лекция в обществе «Знание» или работа в Экоцентре МГУ.

Несколько слов надо сказать о стиле и методе работы Владимира Евгеньевича. Будучи прирожденным натуралистом и естествоиспытателем, он много внимания уделял техническому оснащению как отдельного исследователя, так и института в целом. Владимир Евгеньевич мог и сам сконструировать какой-либо прибор или инструмент для полевых работ и обеспечить приобретение новейшего оборудования как для электронной микроскопии, так и для аэрокосмического мониторинга. Любимую экспедиционную форму исследования В. Е. Соколов стремился сочетать с долговременной работой на стационаре. Изучение животных в дикой природе чередовалось с лабораторными, экспериментальными исследованиями. Разрабатывались дистанционные, телеметрические методы наблюдений, для редких видов обеспечивались вольерные условия содержания, где звери могли даже благополучно размножаться. Сбор фиксированного материала одновременно пополнял музейные коллекции, которым Владимир Евгеньевич уделял большое внимание, особенно в работах по систематике. Одержимость В. Е. Соколова научной работой побуждала его, не ограничиваясь ближайшими сотрудниками и учениками, привлекать к работе даже членов своей семьи. Его супруга, Светлана Михайловна, не только разделяла с ним тяготы многих экспедиций, но и как профессионал-ботаник стала соавтором нескольких публикаций по растительной фауне млекопитающих.

Понимая важность доведения исследования до состояния готовой публикации или диссертации, Владимир Евгеньевич ориентировал на это и многих своих сотрудников. И теперь десятки «остепенившихся» уже с благодарностью вспоминают его настойчивость и не всегда лицеприятные шутки того времени. Особой заботой Владимира Евгеньевича были окружены ветераны зоологической науки. Вместе с тем много внимания он уделял и подрастающему поколению исследователей: аспирантам, стажерам, студентам, юннатам.

Участие в подготовке новых кадров, преподавательская деятельность были со времен основания нашей Академии хорошей традицией. Отношение В. Е. Соколова к своей Alma mater, его 40-летняя работа в университете (в том числе заведование кафедрой в течение 16 лет) заслуживают отдельного большого рассказа. Он не только много лет читал териологические спецкурсы, вел практические занятия, организовывал зональные практики, писал руководства, не потерявшие значения до настоящего времени, руководил кафедрой, лабораторией, организовывал новый факультет (почвоведения) и Экоцентр, участвовал в работе Ученых советов, в том числе в ВАКе и т. д. Владимир Евгеньевич, несмотря на значительные сложно-

сти, находил возможности трудоустроить своих выпускников, многие из которых работают в Институте проблем экологии и эволюции РАН.

В 1989 г. по инициативе академика Соколова был создан Учебно-научный центр по переподготовке и повышению квалификации кадров в области экологии, рационального природопользования и охраны природы – Экоцентр МГУ. Владимир Евгеньевич был Генеральным директором Экоцентра, выполнял функции проректора в межфакультетских проектах. Экоцентр в сотрудничестве с отечественными и зарубежными экологическими и природоохранными организациями участвовал в разработке концепции и программ экологического образования и воспитания, в распространении экологических знаний. Множество слушателей и стажеров, пройдя курс обучения в Экоцентре, получили диплом эколога-эксперта.

Владимир Евгеньевич всегда тянулся к учащейся молодежи. Уже будучи маститым профессором, академиком, он находил время послушать и первые самостоятельные работы студентов на летней практике в Звенигороде, и написать теплое предисловие к книге для юных натуралистов, и поучаствовать в обсуждении курсовых и дипломных работ на заседаниях кафедры. Для студентов такие встречи становились значительным, запоминающимся событием. Многих Владимир Евгеньевич пристраивал в экспедиции, отправлял на стажировку (в том числе и зарубежную).

Как мы уже говорили раньше, основным местом работы В. Е. Соколова в последние годы стал Президиум РАН. Его деятельность в Отделении общей биологии началась задолго до его выбора академиком-секретарем в 1985 г... Собственно эта многогранная деятельность в академических структурах во многом способствовала признанию В. Е. Соколова лидером Отделения в середине 80-х. Тогда Отделение объединяло 7 академиков и 25 членов-корреспондентов. Сейчас в Отделении работают 21 академик и 32 члена-корреспондента. Несмотря на значительные научные потери, вызванные социальными потрясениями последнего десятилетия, Отделение насчитывает 12 институтов (некоторые из которых созданы при участии Владимира Евгеньевича), работу еще 30 институтов Отделение курирует. Отделение является учредителем 17 журналов РАН. Среди 12 Научных советов Владимир Евгеньевич возглавлял Совет по проблемам изучения, охраны и рационального использования животного мира, а также Совет по изучению и охране культурного и природного наследия при Президиуме РАН (совместно с академиком Е. П. Челышевым).

Нельзя обойти вниманием работу академика В. Е. Соколова в Жилищной комиссии Академии. Благодаря его заботе и вниманию многие сотрудники смогли улучшить свои жилищные условия. Много лет он возглавлял также академическую комиссию, курирующую Дом-пансионат ветеранов науки.

Со времени основания Владимир Евгеньевич был бессменным Президентом Териологического общества. Хорошо понимая важность интеграции научных усилий, В. Е. Соколов способствовал не только поддержанию традиционных научных обществ, но и организации новых объединений ученых-естествоиспытателей. Много лет возглавляя Российский комитет по программе ЮНЕСКО «Человек и биосфера», Национальный комитет биологов России, Владимир Евгеньевич добивался укрепления престижа и авторитета отечественной науки на международной арене.

Занимая ряд постов в международных организациях (подробнее см. Приложение в конце книги), Владимир Евгеньевич оставался истинным патриотом, горячим пропагандистом мирного сотрудничества государств, глубоко веря в силу науки и просвещения. Выдающиеся заслуги Владимира Евгеньевича получили признание и в нашей стране, и за рубежом. Он дважды удостоивался Государственной премии, награждался отечественными и зарубежными орденами и медалями, становился лауреатом именных научных премий и медалей, учрежденных в честь выдающихся ученых и общественных деятелей (Северцова, Павловского, Мечни-

кова, Пуркинье, Карпинского, Демидова). В. Е. Соколов был избран иностранным членом ряда зарубежных академий и научных обществ.

Разнообразие научной, административной и общественной деятельности Владимира Евгеньевича, казалось бы, должно было заполнить все его время, не оставляя ни желаний, ни сил ни на что другое. Но в частной жизни интересы Владимира Евгеньевича охватывали множество сфер: от классической литературы до коллекционирования холодного охотничьего оружия, от обожаемых им собак и охоты до огородничества.

В юности В. Е. Соколов увлекался спортом, особенно волейболом. Любил фотографировать, а позднее снимать видеофильмы.

С большой тщательностью собирал В. Е. Соколов свою териологическую библиотеку, особый раздел составляли книги о путешественниках-натуралистах и путешествиях. Знание классической литературы мирно уживалось с интересом к детективному жанру. К книгам и текстам вообще относился бережно и внимательно. Был прекрасным редактором.

Как мы уже упоминали, Владимир Евгеньевич был неравнодушен к технике, механизмам, будь то автомобиль или компьютер, электропила или микроскоп. В редкие минуты отдыха на даче он мог с увлечением возиться с овощными культурами в теплице или обустроить цветник из некоторых особо любимых им садовых растений.

В одежде и еде был неприхотлив. Любил застолье без излишеств, предпочитая качество напитков их количеству. Ценил дружескую компанию, любил слушать музыку, пение и сам охотно пел. В его репертуаре были народные песни, городской и экспедиционный фольклор. Из жанров изобразительного искусства Владимир Евгеньевич очень любил живопись и графику, особенно анималистической тематики. Он был знаком со многими анималистами, пытался заниматься резьбой, хотел освоить поливную керамику.

Семейная жизнь Владимира Евгеньевича прошла под счастливым знаком почти полувекового союза со Светланой Михайловной. Их дочь, Наташа, дополнила профессии отца и матери, присоединив к объектам из царства животных и растений царство микроорганизмов, став микробиологом. Очень любил Владимир Евгеньевич своего внука Женю, которого даже брал с собой в некоторые экспедиции.

Человек большого обаяния и высокой культуры, Владимир Евгеньевич обладал выдающейся волей и подлинным мужеством, стойчески переносил тяжелую болезнь, приведшую к безвременной кончине выдающегося ученого. Он до последних дней не верил в печальный исход, не хотел подчиняться роковому недугу.

Но продолжают выходить его книги, продолжают разрабатывать избранные им направления зоологии и экологии его ученики и соратники, продолжают свои исследования научные коллективы, которыми в течение долгих лет руководил академик Соколов.

При участии Академии наук создан Благотворительный фонд поддержки науки имени академика В. Е. Соколова, проведены первые «соколовские» чтения. Фонд учредил специальные премии имени академика В. Е. Соколова, которые впервые были вручены в 1999 г. выдающимся ученым Академии, а также молодым биологам, экологам, специалистам других академических дисциплин. Память Владимира Евгеньевича почтили его коллеги и ученики на VI съезде основанного им Териологического общества. Международную конференцию по биоразнообразию фауны, флоры и экосистем Евразии (Москва, апрель 1999) организаторы и участники специально посвятили светлой памяти академика В. Е. Соколова.

В кратком очерке жизни и научной деятельности Владимира Евгеньевича Соколова можно лишь в общей форме обрисовать черты этой многогранной личности, выдающегося биолога, эколога, подлинного создателя отечественной науки. Воспоминания коллег, друзей и учеников Владимира Евгеньевича, вошедшие в эту книгу, дополняют его биографию, освещают многие детали его научного творчества, организационной работы. Будем надеяться, что со

временем увидит свет академическое биографическое исследование, посвященное В. Е. Соколову, включающее обширную библиографию его научных трудов.

Настоящий сборник воспоминаний, как нам кажется, даст возможность новым поколениям отечественных биологов познакомиться с выдающимся ученым, оставившим яркий след в науке XX в., великим создателем новых научных форм и методов работы, неутомимым исследователем живой природы, настоящим университетским профессором, академиком Российской академии наук В. Е. Соколовым.

С. М. Соколова. О самом близком человеке

Писать о человеке, с которым счастливо прожил около полувека и которого уже нет, тяжело и трудно.

Попытки написать воспоминание о человеке после смерти имеют свои недостатки, так как в памяти всегда возникают фрагменты образа человека, не всегда связанные со всей многогранностью личности. В связи с этим хочется вспомнить стихи С. Есенина:

*Лицом к лицу – лица не увидать,
Большое видится на расстоянии...*

Мне хочется рассказать о Владимире Евгеньевиче, о его чертах характера, о которых лучше всего знают члены его семьи.

Мы познакомились с Владимиром Евгеньевичем в Московском государственном университете им. Ломоносова, на спортивной площадке. Он тренировал женскую волейбольную команду Биофака (я училась на первом курсе, а Владимир Евгеньевич – на третьем). Он был превосходным спортсменом и обладал удивительными педагогическими способностями – умел организовать коллектив, сплотить его и воодушевить – обучал нас правильно пасовать, подавать мяч и т. д. Тренировки проходили в мягкой, интеллигентной форме. В этот период волейбольная команда Биофака занимала первые места.

Летом, в период ботанической практики, которая проходила в Подмоскowie, он часто сопровождал нашу группу. Через два года мы поженились.

Во время учебы в университете он каждый год летом ездил в экспедиции на Дальний Восток и Южное Приморье – с сотрудниками Медицинской академии наук под руководством Е. Н. Павловского, потом на Черное море, Курильские острова по изучению биологии и промысла дельфинов, на Западный Тянь-Шань – изучал фауну и охотничий промысел.

Владимир Евгеньевич очень любил природу, хорошо знал биологию. У него была прекрасная школа, – еще мальчиком он ходил на экскурсии в лес и на охоту с профессорами Петром Александровичем Мантейфелем и Борисом Александровичем Кузнецовым, которые обучали его отыскивать следы животных, узнавать их повадки, различать птичьи голоса и т. д.

В становлении Владимира Евгеньевича как ученого, безусловно, сыграла роль его семья. Отец – Евгений Алексеевич, профессор Пушно-мехового института, мягкий, интеллигентный, чрезвычайно эрудированный биолог, прекрасно знающий историю России и искусство. Он привил Владимиру Евгеньевичу трудолюбие. С большой теплотой и любовью относился Владимир Евгеньевич к своей матери – Марии Ивановне, которая сумела развить в нем целеустремленность.

Владимир Евгеньевич очень любил университет, нашу Alma mater. Он начал работу в МГУ с должности ассистента и прошел путь до профессора, заведующего кафедрой.

Понимая, что развитие отечественной науки невозможно без воспитания научной смены, Владимир Евгеньевич уделял этому большое внимание. В течение многих лет вел практикум по зоологии, был достаточно строгим преподавателем – требовал знания материала, тщательного выполнения рисунков по заданной теме. К лекциям относился очень ответственно, – на лекциях демонстрировал фотографии, хорошо иллюстрированные отечественные и иностранные книги по специальности. Искренне радовался, если лекции проходили удачно. Умел заинтересовать студентов, поэтому все годы был большой конкурс, чтобы поступить на кафедру зоологии позвоночных животных.

Многие из его учеников стали кандидатами, докторами наук и превратились в ведущих ученых в области биологии и экологии.

Владимир Евгеньевич очень любил Институт эволюционной морфологии и экологии животных, который создал в его современном виде и в котором проработал более тридцати лет. Нам фактически звонили сотрудники до глубокой ночи, он никогда никому не отказывал ни в совете, ни в помощи. Очень многим людям пожилого возраста помогал устроиться на работу.

Владимир Евгеньевич собирал материал в многочисленных экспедициях. К ним он тщательно готовился, – был составлен список необходимых вещей для работы и путешествий, – вплоть до мелочей. В экспедиции всегда брались тяжелые рюкзаки и выючные мешки. Очень любил оружие, особенно охотничье, хорошо в нем разбирался и аккуратно за ним ухаживал. Экспедиции проводились по всей нашей стране (Дальний Восток, Средняя Азия, Кавказ, Сибирь, остров Врангеля и т. д.).

Владимир Евгеньевич был организатором и постоянным участником Монгольской экспедиции (объездил всю Монголию). Экспедиционные маршруты пересекали Эфиопию, Вьетнам, Перу, Боливию, Мексику и т. д.

Целеустремленность и самоотдача в работе сочетались у Владимира Евгеньевича с отзывчивостью и мягкостью характера.

У него было развито чувство ответственности, научной интуиции, способность впитывать все новое. Владимира Евгеньевича отличала необычайная широта научных интересов. Он вникал во множество самых разнообразных проблем – его интересовали водные млекопитающие, особенности строения кожи и желез животных, вопросы хемотрасмиссии, экологии и охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, сохранения и расширения сети биосферных заповедников, поведение животных, влияние радиации на растительный и животный мир после Челябинской и Чернобыльской катастроф, охрана животных мира и т. п. Во всех этих проблемах он принимал непосредственное активное участие.

Владимир Евгеньевич очень любил детей и находил с ними общий язык, был прекрасным отцом и дедушкой. Он учил их играть в волейбол, кататься на лыжах, заниматься гимнастикой. Часами занимался с внуком – рассматривали марки, монеты, книги о животных. Научил внука стрелять. Когда Женечка подрос, стал брать его в экспедиции и требовал от него работы и подчинения режиму, принятому в экспедиции.

Владимир Евгеньевич любил домашних животных. В течение последних тридцати лет у нас жили западносибирские лайки. Первая лайка Майн прожил в нашей семье 19 лет. С ним Владимир Евгеньевич неоднократно ходил на охоту. Я помню эпизод, когда мы осенью поехали на Глубокое озеро, и наш пес потерялся. Его искали пять часов, а затем мы вынуждены были уехать. Вся семья не находила себе покоя – потеряли члена семьи, Владимир Евгеньевич каждый день ездил искать пса. И наконец нам позвонили из Москвы, чтобы мы немедленно забрали найденную собаку, так как она всех кусает. Оказывается, Майн нашел в лесу лосей, погнал их и ушел за 10 км. Через неделю он пришел к дачному поселку, худой и голодный. Его пригрели, накормили, решили оставить себе и привезли в Москву. Но пес проявил характер, никого не признавал; позвонили в общество охотников, что найдена лайка. Так мы вернули свою собаку. Уже будучи больным, Владимир Евгеньевич поехал за много километров от Москвы в деревню, чтобы взять щенка – лайку.

Владимир Евгеньевич был увлекающимся, эмоциональным человеком. Очень любил петь русские, цыганские и студенческие песни. Любил остроумных людей. С удовольствием слушал, работая, хорошую музыку, романсы. Любил смотреть по телевизору спортивные передачи: соревнования по лыжам, волейболу, бокс, хоккей. Любил застолье (особенно дома); в течение многих лет мы собирались университетской компанией, пели, танцевали, делились впечатлениями об экспедициях.

У него была удивительная особенность характера – осваивать все новое. В молодости увлекался фотографией, прекрасно фотографировал (природу, животных), проявлял и даже вирировал (создавал разные оттенки фото). С появлением киноаппаратов – научился снимать

кино; а затем овладел видеотехникой. В экспедиции, в поездки – всюду брал с собой видеоаппаратуру.

У Владимира Евгеньевича были золотые руки – он все умел. С удовольствием делал какую-нибудь бытовую работу как отдых от умственного труда, мастерил рамки для картин, работал в саду. За свою жизнь мы с Владимиром Евгеньевичем посадили много деревьев. Любил он и мастерить всякие поделки из древесины – вырезать стамесками, выжигать и т. д.

Владимир Евгеньевич много читал. Литература была разнообразной: научная, классическая (очень любил А. П. Чехова, А. С. Пушкина и т. д.); для отдыха – детективы английские, отечественные, военно-приключенческие, фантастика. Увлекался книгами выдающихся русских путешественников: П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Г. Е. Грум-Гржимайло, В. А. Обручева и т. д.

Владимир Евгеньевич любил свою страну и этой любовью руководствовался в международной деятельности. В течение многих лет он был вице-президентом международной программы «Человек и биосфера», членом комиссии ООН по вопросам окружающей среды и развития, вице-президентом Международного союза биологов.

У Владимира Евгеньевича было множество друзей за рубежом. Его отличала способность располагать к себе людей, легко находить общий язык с людьми разных специальностей. За рубежом много выступал с лекциями – по биологии, охране окружающей среды, результатам исследований по влиянию радиации и т. д. После смерти пришло много писем-соболезнований в адрес РАН.

Последний год жизни был трудным: борьба с болезнью и стремление сделать как можно больше. Дома и в больнице Владимир Евгеньевич много работал, заканчивал книги «Кожный покров млекопитающих», «Тушканчики Монголии» и т. д. Болезнь не сломила его, до последних дней он не склонил головы перед ней. Его мужество достойно восхищения. И только очень волновался, если я заболела или опаздывала к нему в больницу...

Все годы, прожитые вместе, я постоянно ощущала дружеское плечо, на которое можно опереться. Мы прожили долгую, полную ярких впечатлений жизнь. Я благодарю судьбу за то, что долгие годы прожила с ярким, талантливым человеком. Я счастлива, когда вижу черты его характера в дочери и внуке.

Н. В. Лебедева. Памяти моего папы

Мои воспоминания о детстве, о моей семье, той радостной и беззаботной жизни, защищённой папой и мамой, до сих пор всегда вызывают ощущения невероятного уюта и покоя. Это чувство каждый раз греет меня, и я понимаю, насколько счастливым и благополучным было моё существование. Мой папа – умный, сильный, большой – всегда был на страже семьи. Много хотелось бы рассказать о том, каким был папа, но это просто невозможно из-за многогранности и масштабности его натуры. Но для меня, в первую очередь, это был мой папа, заботливый, любящий, беспокоящийся обо мне.

Сколько себя помню, папа всегда очень много работал. Вечно окружён рукописями, бумагами, книгами. Даже в те редкие свободные выходные, когда летом мы ездили на Николину гору, купаться в Москве-реке, у папы всегда с собой был огромный потёртый кожаный портфель, плотно набитый нужными для работы на пляже бумагами. Папа, конечно, обладал невероятной работоспособностью, при этом он очень любил то, чем он занимался, свою работу, дело своей жизни, любил экспедиции, любил просто трудиться. Не проходило ни одного дня, чтобы он, придя поздно вечером с работы, поужинав, не шёл и не писал, писал, писал, не важно как – сидя за столом или просто на коленях, подложив папку. Потом, перед сном, ещё обязательно читал книги. Ложился спать всегда очень поздно. А рано утром начинался следующий, очередной рабочий день с невероятным количеством разных обязанностей и дел.

Мне, вероятно, было лет 5, папа готовился к защите докторской диссертации. Моя кровать стояла в комнате, где трудился папа, и поэтому я вечерами имела возможность наблюдать, как он работал над диссертацией, думал, ходил, писал. Везде: на большущем овальном столе, на диване, на стульях и даже на полу – лежали бумаги, они буквально летали и кружились в воздухе, так мне виделось это. Работал папа до поздней, поздней ночи, зачастую до утра. При этом у него всегда хватало времени на семью, на свою дочь. Вспоминается, когда была совсем крохой, если не могла заснуть вечерами (а это, как мне помнится, случалось довольно часто), папа носил меня на руках. Если болела, особенно если температурила, папа читал мне книги. Как-то болела корью, уже в достаточно взрослом возрасте, с большущей температурой, пребывая в каком-то полубреду, полусне, а тем не менее, помню, папа читал мне Гомера, «Илиаду» и «Одиссею». Книги вообще занимали значительную часть в жизни папы. Был он разносторонне образованным и эрудированным человеком, очень много читал, хорошо знал историю, разбирался в искусстве, интересно и увлекательно умел рассказывать. Как же я любила слушать его. Мне думается, что глубина и тонкость его натуры, строгость к себе, непритязательность, скромность, глубокое уважение и любовь к своим родителям, уважение и почитание своих учителей и преподавателей, воспитанность, все эти и многие другие личностные качества были привиты в той интеллигентной среде, семьёй, в которой вырос мой папа.

В нашем доме было заведено по воскресеньям приезжать на обед к бабушке и дедушке, папиным родителям. Как же я любила эти путешествия с мамой и папой, когда можно было висеть между ними на руках, в крохотную двухкомнатную квартирку, расположенную в большой коммунальной квартире в Лялином переулке. Мне так всё это чётко рисуется в памяти, как будто и не прошло стольких лет. Как прыгала там с папиных коленок на старый диван с круглыми подлокотниками, как слушали большое радио с зелёным огоньком. Потом был обед, после которого меня укладывали для послеобеденного сна, а вечером мы ехали домой, и это почему-то всегда было грустно. Жили мы тогда – мама, папа, дедушка (мамин папа) и я – на улице Горького, напротив Моссовета, сразу над книжным магазином, но за книгами мы с папой ходили в букинистические, на Кузнецкий мост и в проезд Художественного театра. Я всегда ждала этих походов, да и папа любил ходить туда и смотреть книги. А ещё мы с папой часто бывали на Неглинке, там располагался большой охотничий магазин, около Пассажа, где

подолгу рассматривали ножи и ружья. Кроме того, папа собирал марки, но не все подряд, а тематические, связанные с биологией. Папа с молодости увлекался фотографией, и как же было интересно наблюдать, находясь в кромешной тьме, лишь при тусклом красном свете, как на белой бумаге в ванночке с проявителем вдруг начинали вырисовываться очертания, и потом появлялось изображение. Много что интересовало моего папу, и это всегда были не поверхностные знания, если он чем начинал заниматься, то, поверьте, в этом он добивался совершенства. Его ум, любознательность, трудолюбие легко позволяли ему достичь заданной цели. В молодости сам начал изучать английский, и потом мог легко изъясняться без помощи переводчиков. Потом, спустя много, много лет, будучи уже далеко не молодым человеком, абсолютно занятым наукой и разными многочисленными административными должностями, решил учить испанский язык. И тоже успешно.

Надо отметить, что папа никогда не повышал на меня голоса, не ругал. Просто достаточно было его взгляда и/или беседы, и все вставало на свои места. Вспоминается мне случай: будучи ещё маленькой, я ходила гулять с тетей Пашей (сестрой маминого папы) в сквер на Советской площади, около Института марксизма-ленинизма, за памятником Юрию Долгорукому. Так вот, я не хотела после прогулки идти домой и взяла себе за манеру садиться в серой беличьей шубке в лужу (вероятно, дело шло к весне). Это повторялось из раза в раз, пока информация о моем поведении не дошла до папы. Никакого наказания не было, но я больше так не делала. Тем не менее, я помню, что папа говорил мне: что неприлично рассматривать человека, если у него какой-то физический изъян; что в метро надо придерживать двери для людей, идущих за тобой; что мужчины, входя в помещение, обязаны снимать головной убор; что, входя в здание, сначала нужно дать возможность людям выйти; что всегда надо помнить и почитать своих учителей; и ещё много чего, о чем, боюсь, многие теперь и не знают, и не задумываются. Если разбилась, ударилась, если больно, не плакать, не жаловаться, перетерпеть. Таков был мой мир, мир моей семьи.

Очень хорошо помню наши походы в зоопарк. Это были не просто походы, они всегда сопровождалась увлекательнейшими рассказами о животных. Ещё помню, как ранней, ранней весной на даче в Перхушково, папа поднимал меня рано, рано утром, с рассветом, и мы шли в лес, слушать птичек. Было интересно и ужасно холодно, но, как вы понимаете, как папа умел рассказать о своём деле, кто поёт и как! Летом и осенью он любил ходить за грибами, научил и меня этой тихой, но такой азартной и увлекательной охоте. А эти незабываемые поездки на газике по бездорожью на Глубокое озеро! Мне вообще очень нравилось ездить на машине по кочкам, грязи, лужам, чем больше приключений, тем интереснее! Когда я стала старше, учил меня водить машину, стрелять из ружья.

Папа очень любил и понимал природу, любил животных, недаром он столько сделал для сбережения этого нашего богатства, которое зачастую так безрассудно уничтожается. Дома у нас всегда жили разные животные: хомячки, тушканчики, соня. Но моя мечта была связана с собакой, мама с бабушкой были против, папа отмалчивался. И вот однажды мы с бабушкой и мамой вернулись с дачи, папа был в очередной командировке, и лифтерша сообщила, что к нам приехал мужчина с какой-то большой коробкой, и он зайдёт попозже. И вот, когда вечером он пришёл и открыл коробку, оттуда вылез огненно-рыжий маленький комочек и сразу залаял. С тех пор порода западно-сибирских лаек навсегда поселилась в нашей семье.

Это мой папа привил мне любовь к путешествиям. Осенью, когда природа необыкновенно хороша своими красками и какими-то неповторимыми осенними запахами, папа часто возил меня по разным историческим местам и старинным усадьбам. И это я очень хорошо помню. А каждое лето он обязательно ездил в научно-исследовательские экспедиции. И, конечно, по возможности, папа брал меня, а потом, многим позже, моего сына, с собой в поездки. Воронежский заповедник, Приокско-террасный заповедник, Челябинская область, Костромская, Карелия, Карадаг, Утриш – это лишь немногие места, куда мне повезло съездить.

Папа очень любил экспедиции. Там он имел возможность познавать новые места, получать новые знания в сочетании с любимым исследовательским делом, наукой. Он мне всегда говорил, что наука – это творчество, где человек предоставлен сам себе, где он свободен, он сам задаёт себе задачу и сам её решает. Все зависит только от самого человека. За всю свою жизнь он ни разу не был в отпуске. Не любил дома отдыха, там ему было скучно. Любил романтику экспедиционных поездок, несмотря на то, что эти поездки были и сложными, и требующими постоянного труда, и даже иногда опасными. Вьетнам, Монголия, Эфиопия, Перу, Мексика, Кения, и т. д., и т. п., почти весь СССР: от и до, Челябинск, Чернобыль.... В поездках с ним всегда были люди, на которых он мог положиться, его соратники, друзья. Как тепло вспоминают о моем папе люди, с которыми он работал. Хотя прошло 20 лет после смерти папы, я до сих пор с трудом сдерживаю слезы, когда на традиционных ежегодных встречах в институте люди, с которыми он делал одно общее дело, с кем работал и дружил, вспоминают о нем.

Тогда, 1 февраля 1998 г., ему исполнилось 70 лет, а спустя два месяца, 19 апреля, на Пасху, его не стало. Сейчас ему бы было 90 лет. Его нет физически с нами, но он продолжает жить в памяти людей, в его учениках, в научных трудах. Недаром он был отмечен высокими Государственными наградами! Моя мама, мой сын, Евгений, и, конечно, я помним, любим, гордимся! Это был очень талантливый, умный человек, настоящий мужчина, отец и дед!

Л. И. Зотин. Студенческие годы академика В. Е. Соколова

Я познакомился и подружился с Владимиром Евгеньевичем Соколовым в 1945 г. Эта дружба прошла через нашу жизнь, ничем не омрачаясь до самых его последних дней. Конечно, дружба в юношеские годы была гораздо сильнее и эмоциональнее, чем в последующие годы, но наши взаимные теплые чувства сохранились до самого конца.

Я, как и Владимир Евгеньевич, поступил на Биологический факультет МГУ осенью 45 года, т. е. в год окончания войны с немцами и, естественно, нас, юношей, тогда было очень мало. Но не только это сблизило нас с Володей, но и сильнейшее увлечение спортом – волейболом. После сдачи вступительных экзаменов в МГУ мы (абитуриенты) были настолько счастливы, что, не дожидаясь начала занятий в университете, постоянно околачивались на Биофаке, знакомились с его достопримечательностями и друг с другом. Во дворе старого здания Биофака была сооружена волейбольная площадка. И здесь я впервые увидел Володю Соколова, который по своим физическим данным и по уровню игры явно превосходил всех нас. Я к этому времени довольно сносно играл в волейбол, но мне было, конечно, очень далеко до Володи. Володя же был настоящим талантом – воспитанником школы волейболистов общества «Локомотив». В те времена в волейбольной среде это было довольно заметное общество, славящееся своей спортивной школой, в которой особо культивировалась техника приема и передачи мяча и защитный вариант игры. И хотя Володя был типичным игроком нападения – его рост был выше 190 см и прыгал он в высоту «ножницами» выше 180 см – он с удовольствием играл и в защите. Его успехи в волейболе к тому времени были так высоки, что его включили основным нападающим в сборную юношей Москвы.

Вскоре мы стали часто играть на пару, так как, оказалось, я обладал хорошим пасом и был удобен для Володи. В свою очередь он делился со мной полученными знаниями игры в защите частично в нападении. Последнее не очень подходило для меня, так как с моим ростом (около 170 см) даже в те времена играть в нападении было трудно. Но в результате совместных усилий мы так сыгрались с Володей, что нас заметили университетские спецы по спорту и пригласили в волейбольную секцию. Сначала мы играли за 3-ю сборную команду университета (всего за клуб выступало 4 мужских и 3 женских команды) и приняли участие в первенстве Москвы по волейболу среди студентов.

На Биофаке нашлись и другие приличные игроки (теперешний директор Института биохимии РАН, член-корреспондент РАН Борис Поглазов, директор Института теоретической и экспериментальной биофизики РАН, член-корреспондент РАН Леон Чайлахян, член-корреспондент РАМН Юрий Богоявленский), и биофаковская команда стала занимать первые места в соревнованиях по волейболу на первенство университета. Это была в основном заслуга Володи Соколова как очень сильного нападающего, капитана и тренера нашей команды. Уже в те времена проявился организаторский талант Соколова даже в таком сравнительно мелком деле, как игра в волейбол: он вел нас от победы к победе на внутриуниверситетских соревнованиях, хотя и на других факультетах, особенно физфаке и химфаке, были достаточно сильные команды.

На межвузовских соревнованиях по волейболу на первенство Москвы мы выступали сначала довольно неудачно, так как за студенческие команды играли все те же профессионалы, что и за спортивные общества. Это были, как правило, мастера спорта: чемпионы Москвы и страны по волейболу. Для них это был способ заработать немного денег и лишний раз потренироваться, играя против достаточно сильных противников. Ректор университета (в 1945 году им был Галкин) не любил и не уважал спорт и поэтому выделял мало средств для пригла-

шения хороших игроков из спортивных обществ. Поэтому университет в это время занимал положение аутсайдера в межвузовских соревнованиях по волейболу, так как даже нам (3-й команде) приходилось сталкиваться с мастерами спорта. Но примерно в 46-47 годах высшим начальством было запрещено участвовать в студенческих соревнованиях членам спортивных обществ, если эти общества не имели прямого отношения к вузам, за которые они выступали. Это привело к тому, что университетские команды по волейболу оказались заметно сильнее команд других вузов, так как у нас играли и готовились к играм действительно студенты, а не спортивные профессионалы, как в других институтах. В результате мы начали занимать первые места в межвузовских волейбольных соревнованиях.

К этому времени мы с Володей попали уже в 1-ю сборную университета, и он был бесменным капитаном этой команды. Мы настолько сыгрались с ним, что разделить нас было довольно трудно. Кроме того, я к этому времени заметно преуспел в волейболе и стал достаточно хорошим защитником или, как сейчас говорят, разводящим. В нападении мне, конечно, играть удавалось редко, так как мой рост даже в те времена был маловат для нападающего. Теперь игроки ниже 190 см – большая редкость в волейболе, все больше ростом за 2 м. Зато Володя даже теперь преуспел бы в волейболе, тем более что он неплохо играл и в защите.

Увлекались мы волейболом сильно. Формально тренировки проходили 2 или 3 раза в неделю, но не было дня, чтобы мы не заглядывали в спортивный зал – особенно во время экзаменационных сессий или каникул. При новом ректоре у нас появился хороший тренер – Валя Филиппов – и наш спортивный профессионализм двинулся вперед семимильными шагами. Но главное, конечно, было фанатичное увлечение волейболом: при любой возможности мы стремились в спортивный зал и отрабатывали там удары и защитные приемы до позднего вечера. Как правило, тренировки заканчивались играми по 3–4 игрока на каждой площадке.

Но хватит о волейболе, хотя мы достигли известных успехов в этом виде спорта: я получил за победы в первенстве Москвы первый спортивный разряд, а Володя – даже мастера спорта, правда, не за наши игры, а за игры в основном составе общества «Локомотив», который занял 3-е или 4-е место на первенстве Союза по волейболу, что давало право на получение звания мастера спорта.

Следующий случай, заметно выделивший Володю Соколова среди студентов, произошел на первом курсе на лекциях по общей биологии, которые нам читал профессор Кабак. Володя пришел в университет с солидными знаниями зоологии и однажды на лекции уличил Кабака в неправильном наименовании какого-то животного. Кабак ничего не ответил на это замечание, но на следующей лекции публично извинился за свою ошибку. Это нам прибавило самоуважения и значительно подняло авторитет Кабака, не говоря уж о Володе.

На первых курсах Володя, помимо волейбола, увлекался наукой – в основном зоологией. Он с детства (его отец был заведующим кафедрой зоологии Пушно-мехового института) был знаком со многими зоологами и еще в школьные годы ездил в экспедиции вместе с Сергеем Ивановичем Огневым, заведующим кафедрой позвоночных Биофака МГУ, помогая ему в наблюдениях, охоте и фотографировании. Придя на Биофак, он попал в объятия Огнева, и мы были уверены, что ему обеспечена аспирантура на кафедре позвоночных после окончания университета. Володя также был в этом уверен и с увлечением занимался зоологией млекопитающих, распевая песни, сидя на антресолях Зоологического музея. Но случилось невероятное: на пятом курсе, когда определялась дальнейшая судьба каждого из нас, его распределили куда-то в Омскую или Томскую область учителем средней школы.

Володя не без труда устроился в аспирантуру Пушно-мехового института, которую успешно окончил с защитой кандидатской диссертации. После окончания аспирантуры перешел в Московский рыбный институт, где преподавал зоологию позвоночных и начал исследовательскую работу по изучению обмена веществ у животных. Активно занимался общественной деятельностью, был секретарем комсомольской организации института. Когда было

решено перевести Мосрыбвтуз в г. Калининград, Володя перешел на должность ассистента в МГУ, а затем стал старшим преподавателем. В этот период его выбрали секретарем комсомольской организации Биофака, а в 1964 г. – секретарем партийной организации. На Биофаке он защитил докторскую диссертацию о строении кожи млекопитающих и издал очень полезное руководство по систематике млекопитающих. В этот период его неоднократно избирали в партком университета (был заместителем секретаря парткома в течение четырех лет). Позднее, как он мне как-то рассказывал, его поставили перед выбором быть секретарем партийной организации университета, ректором Новосибирского университета или директором Института эволюционной морфологии животных Академии наук СССР.

Он выбрал последнее, так как это было ближе к его научным устремлениям и открывало возможности экспедиционной работы.

О научных достижениях Володи мне судить трудно, так как я занимался проблемами, относящимися к другой области биологии – термодинамике биологических процессов. Но для нашего брата особенно ценно опубликованное им трехтомное руководство по систематике млекопитающих и пятиязычный словарь млекопитающих. Интересной, как мне кажется, является и монография Володи, написанная им совместно с Яшей Парнесом (кстати, также нашим сокурсником) об истории русской териологии.

Что касается девушек, то, может быть, я сильно преувеличиваю – скорее не он, а они увлекались им, так как это был высокий, красивый юноша, заметно выделяющийся среди нашей веселой, но довольно серой, плохо одетой студенческой компании. Во всяком случае на 3-м курсе Володя начал встречаться с очень красивой девушкой – Светкой Степановой – которая была младше нас на два курса. Познакомились они в спортзале, где Светлана тренировалась не то в волейбол, не то в баскетбол. Первые дни их знакомства мы ходили втроем, а потом они стали уединяться, и кончилось все это свадьбой, на которой я (единственный из друзей Володи) присутствовал в кругу семьи Володи. Это был, по-моему, очень удачный брак (думаю, благодаря Светке), и они прожили в мире и согласии долгие годы. Эта симпатичная женщина обладает доброжелательным и покладистым характером, что так важно для нашего брата научного работника, как, впрочем, и для многих других профессий, где требуется полная отдача сил и мозгов.

О. М. Нефедов. Воспоминания о В. Е. Соколове

Мои первые встречи с Владимиром Евгеньевичем Соколовым носили эпизодический характер, причем широкая известность и раннее признание его в Академии как ученого и организатора науки определяли наличие некоторой дистанции в наших отношениях. Однако затем мы стали встречаться и взаимодействовать чаще. Более того, скоро подружились и с самим Владимиром Евгеньевичем, и с его семьей. Поэтому уход Владимира Евгеньевича из жизни наша семья восприняла как утрату близкого человека и большого друга.

Владимира Евгеньевича как ученого отличали энциклопедические знания в области живой природы, экологии, природоохранной деятельности. Общение с ним всегда было очень приятным и интересным. Он умело учитывал подготовленность собеседника или аудитории и всегда демонстрировал исключительную эрудицию, оставаясь прекрасным рассказчиком и собеседником.

Поражала его неумная жажда познания природы, желание самому прикоснуться к ней и увидеть изнутри наиболее редкие и интересные ее явления. Многие его научные экспедиции (а они, без сомнения, составляли одну из важнейших и ярких сторон его жизни и как ученого, и как ценителя природы) были связаны с трудностями и лишениями, а в зонах ведения боевых и партизанских действий, например, в странах Африки и Южной Америки, также с опасностью для жизни. Однако никакие опасности не могли удержать его от экспедиций или даже сократить заранее намеченную программу. Думаю, что эти очень трудные поездки, тяжелые бытовые условия и огромные физические нагрузки подточили его крепкий организм.

Если же говорить о конкретных эпизодах наших встреч и совместных поездках, то вспоминаются поездка в 1979 г. в республики Средней Азии для ознакомления с деятельностью ряда республиканских академий наук, участие в выборах народных депутатов СССР от Академии наук в 1989 г., координационная встреча АН СССР с руководством НАН США в начале 1990 г. в Вашингтоне, прекрасная поездка в Норвегию в мае 1990 г. на крупный международный форум «Устойчивое развитие, наука и политика», проводимый по инициативе видных политиков Г.-Х. Брунтланд и В. Брандта, и многое другое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.